

Глава 1

ВСТРЕЧА

Это путешествие для всех начиналось по-разному. Общей была только точка, в которой оно заканчивалось...

Сейчас, когда все уже улеглось, стало прошлым, забрав из жизни у кого год, у кого пять, у кого — тридцать лет, а у кого и саму жизнь, сейчас все это кажется фантастической историей. Скажи кому еще в 90-е годы двадцатого века, что такое приключится... поверили бы только в сумасшедшем доме. Да я и сам себе верю все меньше. Наверное, потому что многое хотелось бы забыть. Мой мозгоправ, доктор Шенли, говорит, что это глубочайший травматический опыт, и с ним тяжело будет справиться. Доктор Шенли, конечно, смягчает: уж я-то знаю, что справиться с этим просто невозможно. Так и говорю ему: я не понимаю, как от всего увиденного не растрескались мои глаза, не понимаю, как не расплавился мозг и как не лопнуло сердце. А доктор Шенли

в ответ твердит, что я уже воспринимаю свое прошлое с некоторым отрешением, и это первый шаг к успеху. Это — акт принятия. Но на кой мне это «принятие»? С каждым днем прошлое становится все четче, будто бы даже морщины на лицах людей из воспоминаний прорезаются через мутные пятна, которые до того заменяли им лица в моих непрерывных кошмарах... У них появляются глаза, я могу вспомнить их цвет; черты вырисовываются, добавляются рты, носы, уши, а вместе с ними — гримасы ужаса, отчаяния, страха, впавшие щеки, беспомощные взгляды... Вместо забвения, история все ярче расцветает в моих снах. Ох. С картинкой, которая местами уже прояснилась до высочайшего разрешения, возвращается и моя собственная боль. Она становится тем острее, чем отчетливее я все вспоминаю. И бежать от этого невозможно. Даже алкоголь, который какое-то время, еще до встречи с доктором Шенли, был моим верным спутником, оказывал какое-то неправильное действие. Да, на короткое время — от открытия и до закрытия бара на перекрестке — он притуплял боль, но открывал новые эпизоды, сверлил мою память, извлекая из нее леденящие события. Отрезвление возвращало этим стертым, как мне казалось, картинкам, фокус, и опять наступала боль.

Поэтому я сел писать. Доктор Шенли сказал, что это терапевтически полезно. Мне некуда деться. Я правда хочу что-то с этим сделать. Пробую. Думаю об этом. Месяца два размышлял, с чего же начать? Тысячи судеб, множество историй, наброски для которых у меня сохранились — целая энциклопедия. Можно было бы просто написать автобиографию — ведь это терапия, дружок, верно? Тут же нужна рефлексия, так, доктор Шенли, так? Но честнее и вернее — для истории, во всяком случае, написать о той группе, что прибыла на «Линкольне». Именно они перевернули все вверх дном, они вывернули наш жизненный порядок наизнанку.

Итак, это путешествие для всех начиналось по-разному. Общей была только точка, в которой оно заканчивалось... Эти, с «Линкольна», умудрились попасть в замес еще до старта, до НАЧАЛА, о котором никто, конечно же, их не предупреждал.

Таких, как Альваро, всегда видно в аэропортах стран третьего мира. Белозубый, с простой, но аккуратной стрижкой, ровными ногтями и гладкой (а для его возраста — идеальной) смуглой кожей — немного обрюзгший латиноамериканский Мэтт Деймон, не иначе. Но, несмотря на его цветущий вид и гавайскую

рубашку, на тропические острова Альваро приехал совсем не для отдыха.

Несколько лет назад Альваро овдовел. Рак — тут ничего не попишешь. Не помогли даже связи в медицинском сообществе — экспериментальное лечение оказалось слабым оружием против «брызг шампанского» в голове Джесс. Она ушла молодой, ведь сорок пять — это не возраст. После этого Ева, дочь Альваро, которой тогда только исполнилось восемнадцать, бросила колледж, поссорилась с отцом и удрала на эти острова со своим серфером. Она пыталась сбежать — Альваро надеялся, что не от него, а от смерти матери, от самой идеи семьи... и Альваро смирился, насколько мог, хоть и терзался одиночеством. Он пополнял ее кредитку — тем более что тратила Ева немного, всего около тысячи долларов в месяц. Зато Альваро знал, что с ней все в порядке, иногда Ева выходила в Skype. Недавно она позвала отца к себе, сюда, на Тарли, один из бесчисленных райских островков Океании. Альваро взял билеты, не выходя из диалога.

Катастрофа застала его в первое же утро, в лобби отеля. Альваро взял коктейль, хотя мог бы пройти в столовую, где уже начался завтрак. Туда волнами входили туристы: первая волна — семейные, с маленькими детьми, живущие по графику; вторая волна — тоже

семейные, с детьми постарше и пенсионеры парочками; третья — в основном молодежь, которая поздно встает на отдыхе.

Альваро раздражала всеобщая расслабленность и размеренность. Он ждал Еву. Вчера дочь его встретила. Пришла вместе со своим загорелым пучеглазым серфером — Орландо. Просто поздоровались и всё. Серфер схватил чемоданы, но Альваро вырвал их и попросил до завтра оставить его в покое... «Завтра в девять зайду, папочка». Альваро не хотелось разговаривать с Евой при этом парне. Он ему сразу не понравился — еще тогда, еще дома. Какой-то бездельник уволок его дочь черт знает куда, на богом забытый туристический островок, где нет и не может быть никакого будущего.

Хотя нет, все-таки Альваро успел о чем-то поговорить с Евой. Теперь не мог вспомнить ни слова, помнил только смятение — будто и не его дочь была перед ним, а малознакомая молодая женщина, да еще вспомнил жалость к самому себе и беспросветную тоску, которая снова его придавила. Как будто один только взгляд на Еву возвращал его туда, во двор клиники, где он гулял с Джесс, в ее палату, где в последний раз она, на минуту вынырнув из беспомощности, сжала его пальцы, глянула на Еву и прошептала: «Береги ее».

Та, которую он должен был беречь, обещала, что придет в девять, сюда, в лобби. И вот уже почти десять, а ее все нет.

— Еще один, — попросил Альваро девушку-бармена, явно из местных.

Пока она смешивала еще один «дайкири», Альваро задумался о ее внешнем виде. Вроде бы не такой уж и респектабельный отель. Обычный пляжный all inclusive для европейцев, австралийцев и американцев. Но весь персонал вырядился, будто это лучший отель Нью-Йорка — все в строгой одежде, в рубашках с длинными рукавами, что явно не соответствует влажной и жаркой погоде.

— И как вам не жарко? — сам Альваро в эту же секунду вытирал пот со лба.

— Хорошо, сэр, мне хорошо, — ответила девушка на «гостиничном» английском, который предусматривает минимальные ситуативные знания.

Альваро поднес бокал к губам. Светлый ром, лайм — чего проще? Однако именно «дайкири» всегда был его любимым коктейлем. Лет пятнадцать подряд Альваро и Джесс выбирались куда-нибудь на острова Карибского моря — обычно на Багамы, но бывало и в Пуэрто-Рико или в Доминикану. Вечерами — почти неизменно, даже с рождением Евы, они выбирались в ресторан с террасой или

верандой, непременно с видом на море. Тогда, не спрашивая, Альваро заказывал Джесс «багаму-маму», а себе — «дайкири». Джесс всегда быстро и забавно пьянела, и никогда не просила вторую порцию. Она глупо хихикала — или над шуточками Альваро, или над тем, как он щекочет Еву, которая почему-то всегда замирала, как ледяная статуя, только лишь его пальцы коснутся ее живота. Альваро даже таскал ее к другу-неврологу, полагая, что замирание от щекотки — симптом какой-то странной болезни. Но после полного обследования оказалось, что у Евы такая вот частная атипичная реакция.

За столиком, ближним к выходу из столовой, а, значит, и к Альваро, сидела пара с младенцем. В них мгновенно узнавались австралийцы — белозубые, уверенные, легкие в движениях; женщина — ладно скроенная, со средней грудью и крепким животом, мужчина — пусть и subtilный, но размеренный в жестах и — сразу видно — прочно стоящий на ногах. Такие обычно планируют жизнь и могут рассказать, что будет с ними лет через пять. Из их разговора Альваро понял, что его зовут Джеральд, ее — Эмма, а малышку — Мими. Мими попискивала, Джеральд делал вид, что ворчит, Эмма с наслаждением уплетала омлет. Они были страшно похожи на Альваро, Джесс

и Еву тогда... тогда, когда Джесс была молода и здорова.

Альваро отставил коктейль с мыслью о том, что ему противопоказано возвращаться на такие курорты и уж тем более брать «дайкири». Опасно даже оглядываться по сторонам — всюду чудится безвозвратно ушедшая жизнь. Он развернулся к морю — оттуда, со стороны пляжа, и должна была появиться Ева. Все-таки странный курорт: места полно, а прямо рядом с пляжем — порт, на рейде стоят сухогрузы, пустует длинный причал для круизных лайнеров. Чуть поодаль видны краны порта — всего километр-полтора от отеля.

Альваро показалось, что он уже видит дочь — метрах в двухстах, вся в белом, будто бы это ее фигурка — худая, немного нескладная, смешная девочка. Только бы тоска не нахлынула вновь. Вот он, Альваро, одинокий, но еще не старый, и его дочка, с которой, наконец, можно будет поговорить не онлайн, а по-настоящему, и надо просто попытаться насладиться моментом. Можно съездить куда-нибудь вместе, тут наверняка есть какие-нибудь прогулки на катерах или багги, или трекинг по вулканам. Если, конечно, этот долбаный серфер не увяжется с ними. Альваро вышел под навес. Мимо него, едва не задев,

прошел какой-то парень из obsługi отеля со странным чехлом в руках.

Альваро услышал хлопок. Еще один. Будто кто-то лопаает картонные пакеты — такие, какие раздают в самолетах... Белая нескладная фигурка почему-то развернулась, побежала от отеля. Ева это или нет? Неясно... Но она убегает — это всё, что успел отчетливо, осознанно и полно зафиксировать мозг Альваро. Тут же раздались крики — сразу на нескольких языках. Различим для слуха оказался корявый, с акцентом, английский: «На пол! Все на пол!» Альваро развернулся и увидел, что Эмма, Мими и Джеральд уже лежат на полу. Какие-то сильные руки в это же мгновение швырнули вниз и Альваро. Повернув голову, он смог рассмотреть столовую, происходящее в которой будто замедлилось: несколько людей в камуфляже, с автоматами, стоят при выходе на улицу, еще пара — у выхода во внутренний коридор отеля. Постояльцы, служба — почти все ничком положены на пол. Вдоль пляжа бегут охранники отеля, раздается автоматная очередь, охранники падают как подкошенные, один за другим, кусочки коры отлетают от пальмы, которую тоже задело... Альваро подумал о том, что больше не увидит Еву. Никогда. Больше. Не увидит. Альваро встал. «Лежать», — закричал стоявший в паре метров тип в камуфляже. Альваро сделал

пару шагов... и всё. Всё прервалось на звуке выстрела. Белая нескладная фигурка убегала от отеля.

Глава 2 КОНТЕЙНЕР

Он пришел в себя на палубе сухогруза. Наверное, кто-то подтащил его сюда, усадил спиной к бортику, ноги чуть жгло нагретым на жаре металлом. Судорожные мысли человека, который не помнит ни секунды из последнего часа жизни, сталкивались в голове с хладнокровными умозаключениями хирурга. «Правая рука перемотана жгутом на плече. Почему? Ева... Ева убежала? Так. Вся рука в крови — очевидно, кость перебита, но кровопотеря не критична, артерия, видимо, цела. Почему корабль? Что вообще произошло? Чувствительности нет вообще. Интересно, задет ли нерв. Сколько времени уже наложен жгут? Записка, под жгутом должна быть записка со временем... Но ее нет. У кого об этом спросить?»

Альваро оглянулся в поисках возможных свидетелей: палуба обычного океанского сухогруза до отказа забита контейнерами. Какой-то матрос, стоя на лестнице, открыл один из них, стоящий вторым этажом на палубе. Под

лестницей — человек десять, все — грязные, пыльные, в крови, но в них угадываются туристы и несколько служащих отеля в своей форменной одежде.

— Лезьте туда! — скомандовал матрос.

— А пониже нельзя? — отреагировал какой-то загорелый мужик лет тридцати пяти, стоящий рядом с лестницей.

— Внизу всё занято! Быстрее!

— Давай сюда малыша! — прокричал матрос, и загорелый мужик протянул ему наверх младенца.

Матрос забрал младенца, который, как только его оторвали от мамки, разверещался. Следующей в контейнер полезла Эмма, знакомая Альваро мама малыша, с нее, стянутое ветром, слетело окровавленное парео. За Эммой карабкался Джеральд. Загорелый решительный тип повернулся к вцепившемуся в лестницу Джеральду, который уже почти добрался до верха:

— Сначала женщины! Женщины! Потом старики!

— А раненый? Раненый как? И еще девушка без сознания! — крикнул кто-то снизу.

— Мы затащим их последними.

Альваро успел понять, что раненый — это он. И снова отключился.

Между тем в самом контейнере осваивались люди. Эмма давала Мими грудь, но та отказывалась есть и недовольно попискивала. Пробившийся внутрь Джеральд почему-то открыл детский рюкзачок и принялся что-то там искать, извлекая наружу бутылочки, смеси, соски и прочее младенческое барахло, которое положено иметь при себе, если ты — родитель из среднего класса.

— Джеральд, что ты делаешь?

— Ищу... что ей дать... Может, поиграть? Подгузник же сухой... что она пищит? Мими, посмотри, вот твоя погремушка. А вот любимый мишка. Ла-ла-лалала...

Эмма с нескрываемой тревогой посмотрела на Джеральда. Мими не обращала внимания на потуги отца ее развлечь. Рядом с Эммой в этот момент упала к стенке — иначе не скажешь, брюнетка лет тридцати. В течение нескольких минут вдоль стенок контейнера расселись почти все, кто до того стоял на палубе. Загорелый уверенный тип спустился вниз, где оставалась лежать молодая девушка. Рядом с ней, держа ее руку, сидел парень в круглых очках.

— Твоя? — спросил загорелый у парня.

— Нет, она не со мной.

— Хватит сил ее затащить?

— Да, наверное, да. Я знаю переноску,...

— Чего ждешь тогда?

— Бери ее, я приму, — окликнул обоих сверху матрос.

Очкарик взвалил девушку по-военному на плечи и, придерживая одной рукой, принялся забираться по лестнице. В этот момент загорелый тип подошел к Альваро и легонько потряс его за здоровое плечо. Альваро открыл глаза.

— Мужик, ты как?

— Так себе.

— Как тебя зовут?

— Альваро

— Меня Нейтан. Идти можешь?

— Куда?

— Нам нужно попасть во-оот в тот контейнер. Надо забраться по лестнице.

— Хорошо. А зачем?

— Затем, что мы уносим ноги с этого острова. Похоже, его захватили террористы.

— Да?

— Идем.

Нейтан помог Альваро подняться на ноги. Тот даже сумел сам преодолеть лестницу, удерживаясь здоровой рукой. Нейтан влез следом. Альваро разместился рядом с Эммой и Джеральдом. В детской аптечке нашлись бинты и сульфаниламид, которым

Альваро тут же засыпал свою рану, и детское обезболивающее, которое он выпил, опустошив пузырек на две трети. Чуть придя в себя — не столько от действия обезболивающего, для которого еще требовалось время, сколько от самих движений, он обратил внимание на очкарика, который все пытался привести в чувство девушку.

— Я врач. Что с ней случилось?

— Рядом взорвалась граната. Она цела... ни единой царапины, но не приходит в себя, — потерянными тоном ответил очкарик.

— Ааа. Контузия. Ничего, отойдет. Подними ее голову, чтобы я видел ухо. Теперь другое. Ага. Ну, крови нет, перепонка скорее всего цела. Так что — ничего страшного.

— А что с вами, сэр?

— Видимо, пуля. Полагаю, навывлет.

— Вам нужна помощь, сэр.

Альваро только хмыкнул в ответ, столь идиотской ему показалась реплика очкарика. Он сел в своем углу и закрыл глаза. Нейтан в это время переговаривался с матросом, который уже спустился на палубу. Из рации матроса тут же донеслось шипение, а затем сообщение капитана: «Слева по борту катера. Дистанция — две-две с половиной мили. Убрать трапы».

— Пора вас закрывать, — сказал матрос.

Но закрыться в этот же момент не вышло. На палубе началось какое-то движение, и через минуту в контейнер даже не ввалился — упал — крепкий высокий парень. Пыльные дреды распались в разные стороны. Залезший вслед за ним филиппинец (судя по форме — служащий отеля) задыхался, будто пробежал десять миль по пересеченной местности, но нашел в себе силы как следует дать лежащему в бок.

— Не двигайся! Только пикни, я убью тебя! Понял?

Крепыш с дредами развернулся на спину, и стало понятно, почему он ввалился в контейнер. Его руки были связаны стяжками, сразу несколькими, неумело, но прочно, а в рот вставлена какая-то скрученная тряпка. В проеме контейнера только успели показаться еще две фигуры — парня и девушки, как двери закрылись и раздался резкий лязг металлической скобы, которая отрезала оказавшихся внутри от внешнего мира.

— Сидите тихо, катера уже рядом, — предостерег голос Нейтана.

И действительно — над заштилевшим морем разносилось жужжание нескольких легких двигателей, слышное даже через плотно запертые снаружи двери. Каждый в контейнере с тревогой прислушивался к этому звуку,

единственному звуку, который нарушал тишину. Ее прервал Альваро, который открыл глаза и, неловко повернувшись, закричал от боли. Ему показалось, что кровотечение вновь открылось. Он достал телефон, включил подсветку и осмотрел рану. Нет, показалось — кровь не шла. Но все обитатели контейнера увидели пятно света: ярко освещенную изуродованную руку Альваро и отблеск на его внезапно постаревшем лице. Пленник с кляпом во рту неистово замычал, привлекая к себе внимание, и Альваро направил фонарик телефона на него. Это был тот самый серфер, парень Евы.

— Орландо! — крикнул Альваро и каким-то невероятным для раненого, стремительным броском оказался у его головы.

Альваро попытался вырвать кляп, но его остановили двое: тот самый служащий отеля, из филиппинцев — Пун, что затолкал Орландо в контейнер, и широкоплечий белобрысый мальчик — Лон, облик которого выдавал в нем британца или австралийца.

— Ты его знаешь? — спросил Лон, и, не став дожидаться ответа на свой бессмысленный в данной ситуации вопрос, продолжил: — Слушай, мужик, мы его даже спасти не хотели. Он орал и рвался из лодки. Из-за него нас могли заметить, и сейчас могут. Нам

пришлось его связать. Но будь моя воля, я бы его бросил в воду.

— Это парень моей дочери, пусть скажет, где она, — начал уговоры Альваро.

Орландо страдальчески замычал. Пун и Лон переглянулись.

— Нельзя открывать ему рот, — едва связывая английские слова, пробормотал Пун.

— Пообещай, что не будешь орать. Иначе нас всех убьют. Понимаешь, ты понимаешь меня? — прошептал Орландо Лон.

Орландо тихонько застонал. Лон аккуратно вытащил тряпку из его рта.

— Где Ева? — слезно, отчаянно спросил Альваро.

— Я думал, она с вами...

Сердце Альваро сжалось. Перед глазами полыхнуло — девушка в белом убегает вдоль пляжа, выстрелы разрывают сонный тропический воздух, резкая боль в руке. Выстрелы, выстрелы... но уже на палубе, в ту самую секунду, совсем рядом. Резкие автоматные очереди, одиночные хлопки ружей, тихие — в сравнении с автоматными — выстрелы из пистолетов.

— На пол, все на пол, — каким-то странным, негромким, но отчетливым голосом командовал Нейтан.

В этот момент начал работать двигатель корабля, и вибрация от него ощущалась на металлических стенках контейнера. Тут же пара пуль прорикошетила о контейнер. Еще одна очередь прошла по контейнеру, стоящему первым этажом. Стрекот автоматов продолжался еще несколько минут — по всему кораблю шла борьба, порой слышались отдаленные неразборчивые возгласы. Затем — еще минут пять, может, десять, раздавались одиночные выстрелы, в ответ которым огрызался то один, то сразу несколько автоматов. Кто-то последний бился за жизнь, пытаясь одолеть явно превосходящие его силы.

Глава 3 ПУТЕШЕСТВИЕ

Неизвестность словно повисла в воздухе. Тишина после перестрелки заставляла еще сильнее вжаться в пол контейнера, парализовала любое движение — неудобно вывернутая, простреленная рука Альваро ныла, но он не смел ею пошевелить. Страх, остановивший все вокруг, на сердца действовал иначе, заставляя их биться ощутимо громче обычного, и каждый бы хотел, чтобы его сердце замерло, чтобы даже в ушах и висках не отдавались толчки крови.

Первым поднял голову Нейтан. Все лежали ничком, напряженно застыв, и только старый турист каким-то странным образом обмяк, прислонившись к двери контейнера.

— Эй, мужик! Старик! — позвал Нейтан, и люди начали привставать. А старый турист приоткрыл глаза.

— В меня, кажется, попали...

Нейтан, согнув колени, подобрался к туристу и взял его за плечо, чуть отодвинув того от стенки. Тут же стало видно расплзающееся по рубашке пятно крови и дырка от пули довольно крупного калибра на рифленом железе.

— Эй, доктор! — обернулся Нейтан, но Альваро и без того уже был рядом.

— Помоги! — командовал уже Альваро.

Вместе они перевернули старика, который слегка похрипывал, когда его двигали.

— Плохи его дела... Видимо, пуля в легком, — заключил Альваро.

Орландо не стал ждать разрешения и громко закричал: «На помощь! Есть кто на судне?! Здесь человек умирает!» Наверняка все понимали, что в перестрелке необязательно победил дружественный им экипаж сухогруза, и на пороге контейнера в любую секунду могли появиться те самые боевики, от которых туристы и пытались спрятаться. Но

ситуация больше не располагала к молчанию. Вслед за Орландо поднялся целый хор голосов с аккомпанементом в виде ударов по стенкам контейнера. Но ответа не было. То ли все участники столкновения погибли, то ли боевики оставили судно, забрав выживших матросов на свои катера. Стало ясно одно — запертые пленники остались в одиночестве, их сухогруз, словно корабль-призрак, на полной скорости шел в неизвестность.

— Дайте воды, — будто не услышав ни тревожных выводов, ни поставленного ему диагноза, попросил турист.

Брюнетка протянула бутылку воды, но Нейтан отстранил ее руку.

— Никакой воды пока. Есть шансы? — повернулся он к Альваро. Тот только покачал головой.

Нейтан и Альваро устроили старика поудобнее, подложив ему под голову его же сумку. Старик не унимался и просил пить, настойчиво, и, как казалось всем в контейнере, все громче. После третьей просьбы не выдержала Данита — филиппинка в форме горничной.

— Дайте ему воды, человек умирает! Почему не даете?

— Именно. Он умирает. А нам тут нужно держаться, черт возьми, неизвестно сколько!

Что выберете — прожить чуть дольше или напоить того, кто все равно сейчас кончится?

— Но...

— Никаких но! Сейчас вы не в мягкой постели в отеле. Поймите, что с этой минуты, да даже раньше — мы все на краю. Хотите умереть поскорее? Пусть напивается!

Казалось, что люди в контейнере давно успели привыкнуть и даже устать от вынужденного молчания. Но после оглушительно трезвых слов Нейтана тишина повисла какая-то новая, особенная. Каждый задумался, что же за точку координат они все проходят, какова на самом деле ситуация, чем она чревата. Смертью — и только ей. Люди — под пулями, во время бегства из отеля и с острова, ничегошеньки не понимали, у них попросту не было времени остановиться и попытаться хотя бы внутри самих себя прощупать шок, который на самом деле уже объял каждого.

Тем не менее Эмма, которая не могла мыслить вполне отчетливо — сказывался гормональный кризис недавней роженицы — Эмма продолжала желать добра окружающему миру. Она будто бы и не понимала, что такое шок, и что вся ее жизнь уже перевернута с ног на голову.

— Я отдам свою воду, — громко, со звенящей решительностью в голосе, произнесла она, прижимая Мими к себе.

— Поздно... — Альваро прощупал пульс старика. — Он мертв.

С трупом разбирались Нейтан, Лон и Орландо. Три крепких парня — кто ж еще может что-то с этим поделать? Они отвернули лицо старика с опустошенными глазами, которые тот не успел закрыть, к стенке. Брюнетка и пара хиппарей, которые сидели подле него, боязливо и брезгливо продвинулись вглубь. Чтобы тело занимало как можно меньше места, Альваро посоветовал «сложить» его, потому Нейтан и Лон связали старика по рукам и ногам, и тело приняло форму калачика. Понять их решение сложно — ведь тело, даже если бы лежало распростертым, не отняло бы много места у живых.

После этой странной процедуры Нейтан огляделся и потребовал, чтобы все сдали всю имеющуюся пищу и напитки. Отчего-то все сразу послушали его — и в центре контейнера выросла горка из нескольких бананов, каких-то хлебцев, печенья, пары экзотических фруктов, названий которых сам Нейтан не помнил, пачки чипсов и бутербродов, пары бутылок воды, орехов в «экологичном» многоразовом тканевом пакетике — негусто, если речь идет о питании четырнадцати человек, которым еще неизвестно сколько оставаться в контейнере. Между тем сухогруз продолжал движение. Брюнет-

ка долго вглядывалась в Нейтана и узнала его.

— Кажется, я вас знаю, вы — журналист, Нейтан Коллинз?

— Да, это я.

Имя Нейтана Коллинза было известно если и не всему миру, то, во всяком случае, всем, кто следил за новостями в Европе и США. Нейтан загремел в плен к сомалийским пиратам, где провел несколько лет и сумел сблизиться с одним из заметных командиров. Впоследствии Нейтан вернулся — его добровольно отпустили, причем весьма витиеватым маршрутом — так, что он очутился в Пакистане; он написал книгу о своих приключениях, и если она не оправдывала пиратов, то как минимум была выдержана нейтрально. Книга здорово зацепила всех правых — от республиканцев в Америке до европейских лордов, а вот для леваков текст стал очередным символом непонимания «золотым миллиардом» жизни в Африке и на прочих окраинах цивилизации. Леваки приветствовали Нейтана как одного из потенциальных лидеров, но он не стал с ними заигрывать и скрылся в Азии, откуда регулярно писал любопытные репортажи. С момента выхода книги Нейтана были готовы принять любые сепаратисты и военные диктаторы, все, отрешенные от мировой

политики, все неслышанные и нерукопожатные отщепенцы и кровавые монстры. При этом сам Нейтан себя не выпячивал и старался быть объективным, чем здорово раздражал власти — в том числе своих родных Штатов.

— Что это было? — брюнетка выразила общий вопрос.

— Думаю, это была сознательная провокация армии... они создали искусственную террористическую организацию, чтобы двинуть демократов в правительство, — начал свою лекцию Нейтан.

— Да там все против правительства. Среди нападавших были сотрудники отеля! — возразил Лон, — Я живу на островах уже три года. Все местные ненавидят власть, да?

Последний вопрос относился уже к Пуну и Даните, двум запуганным филиппинцам, которые и не думали вступать в диалог. Лон достал телефон, но тот сел — и ни у кого не оказалось пауербанка. По словам этого здорового блондина, у него была запись, где некто в форме портье бежал вместе с террористами по пляжу. А затем, когда появился спецназ и начался бой, портье и террористы пытались слиться с толпой заложников. Во время перестрелки заложники поняли, что спецназ не собирается щадить даже их, и ринулись к морю, к причалам, катерам и сухогрузу...

— Какая разница, что там произошло, нам надо думать о себе здесь и сейчас, — Нейтан перебил Лона.

Контуженая красавица, которая все это время была без сознания и лежала головой на коленях Чепмена, наконец открыла глаза.

— Кто вы?

— Чепмен...

Красавица ничего не слышала — сказывалась контузия. Чепмен начал диалог, записывая ответы на ее вопросы на листочке, и эта летопись сохранилась. Я держу ее в руках. Листочки из скетчбука маленького формата, на которых кляксами растеклась черная гелевая ручка. Этот блокнот видел многое и представляет большую ценность, и, если мне это разрешит редакция, будет издан отдельно. Он того стоит — это одна из самых романтических историй знакомства, где они узнали многое друг о друге. Но мой любимый кусок текста из этих мятых листочков таков:

Ди: «Пиши крупнее, у меня плохое зрение»

Чепмен: «Я тоже в очках, видишь? Какие диоптрии?»

Ди: «Левый — 2,5, правый — 3,5»

(тут, видимо, он передал ей очки)

Ди: «Неужели ты ровно такой же слепой, как я?»

Чепмен (крупно и неразборчиво): «Ровно так».

С этого, с одинаковых диоптрий, и началось знакомство.

Пока Чепмен общался с Ди, объясняя ей, почему же Данита, которую Нейтан назначил старшей на раздаче еды, дает им по половинке печенья, в то же самое время Орlando нашел у кого-то в вещах кусочек проволоки, размотал ее, приладил к старому кнопочно-му телефону и вытянул антенну в дырку от пули, прямо над покойником. Орlando ловил если не связь — ее не было ни у кого, — то хотя бы радио, которое, по его мнению, еще могло добить до корабля, удалявшегося от берега. Орlando оказался прав — радиосигнал, не встречая помех, несся над водной гладью и достигал приемника. Правда, работала всего одна радиостанция. Голос диктора, с сильным треском, прерывисто, разнесся в контейнере. По-филиппински понимали только Пун и Данита, которая по просьбе Нейтана, перевела репортаж: «Диктор: ...сто сорок пять человек погибли во время атаки на туристическую зону. Еще тридцать человек числятся пропавшими без вести. Убиты более пятидесяти террористов, еще около пятидесяти сдались после перестрелки со спецназом национальной гвардии. Нам удалось поговорить с одной из

свидетельниц событий, Евой Вега». Не успела Данита договорить, как Альваро воскликнул: «Ева, это Ева, моя дочь!» — и мгновенно притих, чтобы выслушать, что скажет его дочь. «Их было много... они загнали всех в столовую отеля и стреляли в каждого, кто пытался бежать...» Диктор: «Вы видели, кто раздавал приказы террористам?» Ева: «Почти все были в масках.... Но им помогал кто-то из отеля. Служащие переговаривались с террористами на филиппинском, некоторые были с оружием. Когда пришел спецназ, началась свалка, все начали бежать... не знаю, где мой отец, где мой муж... Треск перекрыл дальнейший рассказ Евы. Какие-то обрывки слов еще доносились некоторое время, но затем белый шум поглотил любые прочие звуки, кроме кашля пожилой леди, которая опять разразилась им надрывно и нескончаемо.

— Муж? — Альваро недоуменно воззрился на Орландо.

— Да. Мы хотели рассказать вам вместе.

— Давно?

— Поженились в прошлом месяце.

— Странно, я думал, она мечтает о большой свадьбе... копил деньги... но это неважно, да? Зять, значит? Хм.

Снизу, из-под пола контейнера, раздались металлические звуки — будто бы кто-то

стучал. Нейтан отыскал уголок, откуда исходил звук — это был угол под телом старого туриста. Пришлось отодвинуть окоченевший труп. Оказалось, что в обоих контейнерах — и верхнем, и нижнем, были щели, которые расположились одна над другой довольно близко — таким образом, стоя рядом, можно было услышать, что говорят внизу. Нейтан произнес в щель пару слов, прислушался, оглядел собравшихся, и спросил — есть ли среди них Мелинда? На это имя отозвалась кашляющая леди. Оказалось, что в нижнем контейнере находится ее супруг, Гэри. Мелинда тут же принялась разговаривать с ним. Нейтан же, отойдя от щели, сообщил остальным, что у людей снизу есть компас, и корабль движется на юго-восток.

Поскольку измерить скорость в контейнере совершенно невозможно, для расчета взяли пятнадцать узлов в час. Беспольные телефоны Нейтан — с общего согласия — изъясил. Хотя Орландо пытался сопротивляться и кричал: «Да кто ты такой, с чего ты решил?» Но общее мнение, а также краткий рассказ брюнетки (ее, кстати, звали Вэлери) о прошлом Нейтана сделало свое дело — и Орландо замолк. Телефоны, по мысли Нейтана, включались поочередно, чтобы в отсутствие подзарядки максимально растянуть возможность следить

за временем. Таким образом Нейтан думал рассчитать расстояние, которое они проходят. Однако карты-то у них не было — потому все равно было неизвестно, куда же они идут. Через сутки предположение Чепмена о том, что они уходят напрямиком в Тихий океан, начало казаться всем справедливым.

Через несколько часов созрело первое решение — открыть двери. Но как бы ни старались «крепыши» — Лон, Орландо и Нейтан, как бы ни пыжился «умник» Чепмен, ничто не помогало — дверь не поддавалась. Прочнейший стальной засов, сконструированный, чтобы выдерживать самые жестокие шторма, оставался неприступен. Зазоры между дверью и стенками были микроскопическими, туда с трудом пролез бы и лист писчей бумаги — не то чтобы что-то существенное, могущее стать рычагом. Израсходовав массу сил, невольные путешественники расселись по своим местам.

Полтора суток — и вода закончилась — хотя все и пили по глотку, из крышечки, которую исправно выдавала Данита. Вода оставалась только у Эммы — обделять водой ребенка не решились. Никогда Эмма не чувствовала на себе столько завистливых и жадных, порой даже яростных и ненавистных взглядов. Всего-то — вода! Всего-то литр, взятый Джеральдом с запасом для утренней прогулки к соседнему

отелю! Чепмен, с присущей ему энергичностью, пытался найти конденсат на потолке — но какое там. Потолок был сух, как песок в пустыне.

В контейнере почти не было движения. Каждый экономил силы, сознание каждого бродило в мыслях о прошлом и неясном будущем. Двигатель корабля исправно работал, выдавая положенные ему тысячи лошадиных сил, и сухогруз удалялся от любых возможных берегов.

Еще через полсутки вода закончилась и у Эммы. Малышка Мими словно чувствовала, что не стоит кричать, и вела себя смирно. Вэлери пыталась проглотить какую-то таблетку, но без воды это далось ей только раза с десятого. Она уронила белый кругляшок лекарства на пол, подобрала, снова предприняла попытку, а уж после того, как все-таки сумела протолкнуть ее в глотку, схватилась за грудину — иссох даже пищевод, и по нему ничто не могло пройти незаметно.

Орландо тоскливо вглядывался в дырку из-под пули. Будь его воля — он скребся бы, бессмысленно и жестоко стирая пальцы, обдирая ногти, прямо в эту дверь. Постояльцы (ведь так это называется после суток на одном месте?) контейнера оказались самыми невезучими из всех нас. Не встречал ни еди-

ного выжившего, который бы так намучился и столько бы испытал перед конечной точкой, пока что назовем это так.

Именно Орландо, проглядевший все глаза в эту дырку, первым заметил, что погода меняется.

— Облака... грозовые облака! — прошептал он обессиленным, иссохшим ртом.

Дождь не заставил себя ждать — он полился мощным тропическим ливнем уже через пару минут. Нейтан, Чепмен и Джеральд тут же принялись мастерить устройство для сбора воды: бумажная воронка, просунутая в дырку и развернутая снаружи, должна была собрать капли и через раструб отправить в приставленную изнутри контейнера бутылку. Листок быстро размок под струями дождя, но Чепмен уже приготовил замену из мягкого пластика одной из бутылок. Емкостей осталось всего на три литра, но эти три литра воды, плюс бутылка Эммы и Джеральда, казались настоящим спасением! Дождь продолжался, и Нейтан дал возможность напиться всем вволю, люди по очереди присасывались к торчащей из стены воронке. Затем, так же внезапно, как начался, дождь прекратился, и в дырку из-под пули снова забил луч солнца.

Напившись, Мелинда приникла к щели, чтобы пообщаться с мужем.

— Дайте им воды! — после короткого диалога попросила она.

— Нет, — отрезал Нейтан, — у нас три литра воды. На четырнадцать человек.

Мелинда что-то пробубнила в щель, развернулась и с тревогой сказала:

— Гэри говорит, что они убьют его, если мы не дадим воды...

Нейтан оглядел всех. После суток без воды никто не вздумал даже и пикнуть. Человеческое и гуманность вмиг отступают, если тебе по-настоящему угрожает смерть. А смерть не то чтобы витала в воздухе — она уже пропитала все вокруг. Скрюченное тело старого туриста — вот вам и напоминание о том, что тут может произойти с каждым, даже, скорее, не то что «может», а что неизбежно произойдет довольно скоро.

— Нет, — озвучил Нейтан общее мнение.

— Но там Гэри, мой Гэри! — рыдания Мелинды перешли в бесконечный, сильнейший кашель, который, кажется, готов был вырвать ее легкие из грудной клетки.

Сквозь кашель Мелинды снизу послышались истеричные крики Гэри — его решили порешить сразу же, и, видимо, выбрали для этого не самый гуманный метод. Гэри визжал, как животное, как маленький ребенок, голос его звучал как само отчаяние, которому, ко-

нечно, свойственны высокие частоты. Захлебываясь кашлем, Мелинда подползла к щели и пыталась — между приступами, набрав хоть немного воздуха, попроситься. Нейтан отошел и сел на место. Когда крики Гэри утихли, Мелинда осталась у щели — рыдать и кашлять, кашлять и рыдать, и это порядком надоело всем. В конце концов она умолкла. Никто не понял сразу, что умолкла она навсегда.

Этим же вечером Лон и Нейтан положили ее тело на старого туриста. Таким образом, к началу третьих суток путешествия в контейнере было два трупа.

Эмма была спокойна — молоко приходило, значит, Мими будет сыта. А вот Джеральд начал психовать — его беспокойство Эмма всегда замечала по характерному жесту — он крутил свои кисти. Из-за коротких сухожилий (такowymi они стали еще в подростковом возрасте — издержки резкого роста) Джеральд постоянно вращал кулаками, а в период стрессов делал это беспрестанно. Но виду он старался не подавать, и на любые вопросы кисло и деланно улыбался: — «Любимая, все будет хорошо».

Данита и Пун по большей части молчали и выглядели испуганно даже на фоне прочих.

В нижнем контейнере периодически слышалось какое-то движение, там намеренно

поднимали шум — им была нужна вода. Но Нейтан строго запретил кому бы то ни было даже приближаться к щели. Поэтому что говорили люди из нижнего контейнера, как умоляли и какие давали обещания, останется неизвестным.

Альваро часами сидел, заслонив лицо здоровой рукой — больная лежала на коленях и не подчинялась ему вполне. Альваро плакал, Орландо, сидящий рядом — наблюдал. К вечеру Альваро прервал молчание.

— Ублюдочная страна. Какого черта ты ее туда потащил? — со злобой, но четко и открыто, будто бы это должны были услышать все, на третьи сутки произнес Альваро.

— От вас увез. От снобов и кошельков.

— И что, хорошо все закончилось?

— Это вы, американцы, финансируете такие перевороты. Террористов. Вам нравится развязывать войны и накачивать свои военные бюджеты...

— Мне, что ли, нравится, парень? Я приехал из Мексики подростком. Пятнадцать лет учился, и вот чего-то добился... и кто я теперь? Какой я к черту хирург? Где мы?!

— Мистер Вега, успокойтесь, пожалуйста...

На счастье Альваро и Орландо, пошел дождь — именно дождь, по мнению Альваро, спас его тогда от пропасти безумия. У Орландо

при себе оказался косяк травы — и он бы не стал его курить, не имея запаса воды. После косяка Альваро расслабился, его отпустила мучительная боль в срастающейся кости, и он даже пошутил о том, что в контейнере, в отличие от островов, их никуда за употребление наркотиков не посадят...

* * *

Эти записи, наверное, кажутся фрагментарными и беспорядочными. Что ж, это издержки документальности этого повествования. Все, что здесь описано, пришлось собирать урывками, а искусственно склеивать — у меня нет желания. Я даже не смог бы найти этому оправдания — все же документальный текст обязывает чтить память погибших и хранить память о событиях максимально точно. После четвертого дня путешествия воспоминания участников носят характер даже не отрывочный, а оскольчатый — будто память сумела оставить при себе только некие пиковые моменты, которые врезались в глаза. Взял на себя смелость разбить эти события на небольшие подглавки, чтобы хотя бы в хронологической последовательности обрисовать происходившее в контейнере.

* * *

Утром пятого дня Данита обнаружила, что из последних восьми печений, которые она

стерегла, четыре пропали. Ночью, во время сна, она сдвинула пакет, половина печений выпали и стали чьей-то легкой добычей. Нейтан сразу расствирепел.

— КТО? КТО ЭТО СДЕЛАЛ? — проорал он, стоя посреди контейнера.

Обыск принес результаты: на рубашке лысого мужика — назовем его здесь Лысым Клерком — Нейтан обнаружил крошки.

— У меня диабет... — все, что смог вымолвить несчастный перед тем, как Нейтан, расствирепел и принялся душить его голыми руками, затем взял в захват и, упав на колени, прижал его головой к полу профессиональным борцовским приемом. Лон пытался оттолкнуть Нейтана, но Пун удержал самого Лона.

Таким образом, утром пятого дня при входе в контейнер лежало уже три тела.

Данита делила оставшееся печенье. За ней наблюдали голодные глаза всех и каждого, кроме Мими. Внезапно Данита замерла. Лон, который ждал своей порции, встал перед ней.

— Что случилось?

— Их меньше, — на плохом английском ответила Данита, — печений меньше, чем людей.

— Ешь мое, — без колебаний заявил Лон.

И наверняка сразу пожалел о своем решении. Кто его знает, почему Лон решил быть щедрым — то ли понял, что дальше делить

печенье просто невозможно, оно рассыплется в пыль (это было песочное тесто), то ли не надеялся выжить. В любом случае — он стал единственным, кто не запомнил вкус этого печенья — а многие позже признавались, что могут опознать это печенье из тысячи других. Вкус печенья стал чем-то вроде вкуса жизни.

* * *

Холод пришел на шестой день. Все понимали, что за бортом будто даже теплее, чем внутри стального ящика, этого коммунального гроба, в котором они оказались. Ночью температура опускалась до 5–8 градусов — так оценивали это узники контейнера (и надо сказать, весьма точно). Да, это не суровая сибирская зима. Но поверьте, проведите вы хоть одну ночь в шортах и майке при такой температуре — зубы будут стучать друг об друга так, что вам станет страшно от самого этого звука.

С покойников была снята вся одежда, которая досталась преимущественно женщинам. Джеральд грел Мими, свернувшись вокруг нее клубком, как кот, который греет собственное брюхо. Эмма кормила малышку скудным, скорее всего, вконец обезжирившим молоком, и Мими охотно ела, но худела, пусть и не так, как взрослые, но все же заметно. Насколько же не подготовлен человек к голоду и холоду,

раз даже его младенцы худеют уже на шестой день!

Зато воды стало в достатке. Дождь за дождем — влага наполняла бутылки через самодельный раструб. Пили все вволю.

Польза от холода была только одна — покойники не сильно пахли. Хоть все и смирились уже со сладковатым, тошнотворным запахом гниения, но все же на жаре было бы гораздо хуже.

Никто и ни с кем практически не разговаривал. Все вдруг поняли, что речь отнимает силы, и погрузились в анабиоз, будто бы готовясь к постепенному, неумолимо приближающемуся умиранию. Колкие и холодные взгляды говорили только об одном — каждый думал, как бы протянуть подольше.

* * *

Утром седьмого дня, когда уже прекратились всякие звуки из нижнего контейнера, Нейтан увидел, что двое дауншифтеров, прислонившись друг к другу, словно согревая, мертвы. Нейтан осмотрел их, затем стремительно двинулся к сложенным штабелем трупам. Оказалось, что дауншифтеры ночью решили отведать сырого мяса покойников — и поплавились за это отравлением, которое прикончило их быстрее, чем можно себе представить.

Пустые желудки и ослабленный иммунитет вообще не оказали сопротивления трупному яду. Дауншифтеров даже не стали перекладывать в угол. Они так и остались — рядом с Вэлери, которая была бледнее мела и, по мысли Нейтана, должна была преставиться следующей.

«Почему они умерли?» — спросил Пун про дауншифтеров. Альваро объяснил, что человечину, как и любое другое мясо, надо есть свежим или законсервированным, иначе — желудок просто не сможет переработать яды.

* * *

Утром десятого дня Эмма проснулась и принялась теребить Мими, чтобы та поела. Уже через секунду Эмма увидела, что Мими больше нет. Но мозг матери не реагировал на собственные сигналы — «Она холодна, она холодна, как лед...» Эмма подползла и растолкала Альваро, держа малышку, голова которой откинулась назад. Альваро понял все с первого взгляда.

По неизвестной причине Эмма решила скрыть от Джеральда смерть Мими. Когда тот проснулся и спросил, как его малышка, Эмма ответила, что Мими поела. Джеральд тут же вырубился, ушел в привычный анабиоз. А Эмма пустыми глазами смотрела на дверь контейнера.